

МАГИ & МОТОРЫ

СЕРИЯ "МАГИ И МОТОРЫ"

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОН-СЛМОЗВАНЕЦ

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ
МЯГИЧЕСКИЙ ВОР

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОНЫ ЮГЛ

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ДЕМОНЫ
ЮГА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой
Составитель серии *Алексей Бобл*
Иллюстрация на переплете *Владимира Нартова*

Каменистый, Артем.

К18 Демоны Юга / Артем Каменистый. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Маги и моторы).

ISBN 978-5-699-88807-8

Тигран разделен непреодолимой стеной Срединного хребта. Юг оправился после страшнейшей катастрофы, а Север о ней давно забыл. На Юге процветает мир волшебства и древних тайн, там все еще сражаются с темными магами. Север дошел до эпохи индустриализации, по железным дорогам колесят паровозы, небеса бороздят дирижабли, магия неизвестна, религиозность высмеивается. Большинство населения, что на Севере, что на Юге, уверено — за горами жизни нет. В истинное положение дел посвящены немногие, и для того чтобы все оставалось по-прежнему, они не жалеют ни сил, ни жизни. Причем — не только своих. Леону пришлось познакомиться с устройством Тиграна на собственной шкуре, хотя он никого об этом не просил...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88807-8

© **Каменистый А.**, 2016
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Я молод и до последнего времени был полон сил, но за свою недолгую жизнь приключений успел пережить столько, что редкий дряхлый старец может сравниться. И мир тоже успел повидать. Даже два мира. Хоть мне и доводилось... Как бы это выразиться без откровенно криминального оттенка... Доводилось работать с антиквариатом, но отнести себя к великим любителям старины не могу. Однако, бывая в далеких экзотических странах, охотно присоединялся к стандартным экскурсиям, которые просто обязан посетить среднестатистический турист. В таких поездках проще простого заводить знакомства с новыми девушками, и к тому же встречаются любопытные экземпляры, которых очень сложно встретить в местах вроде ночных клубов, а я люблю разнообразие во всем.

И вот однажды, терпеливо подбирая ключик к одной весьма и весьма недурственной брюнеточке, я параллельно изучал очередной шедевр древней архитектуры — каменную стену. Блоки в ней были каких угодно форм, но реже всего встречались привычные прямоугольники. Эдакая мозаика из причудливо обработанных глыб. При этом не наблюдалось серьезных зазоров, камни буквально цеплялись друг за дружку, пазы входили в вырезы так четко, что некоторые всерьез верили гиду. А тот

между тем порол явную чушь. Заявлял, что здешние доисторические папуасы, или как их там, силой тайных заклинаний заставляли гранитные валуны превращаться в пластилин, после чего с ними легко мог работать даже ребенок. Особенно меня порадовало одно из озвученных им доказательств: хоть район сейсмически активный, но это сооружение без повреждений пережило долгие века. Меня оно, мягко говоря, не убедило. Какая-то альтернативная логика.

Впоследствии мне довелось увидеть еще несколько похожих сооружений. Гиды при этом попались чуть умнее. Один пояснил, что хоть такие стены и правда могут выигрывать в устойчивости, но обычные куда технологичнее. А это лишь пережиток древних методик, когда строители использовали совершенно необработанный камень, небрежно подбирая булыжники друг к дружке. Потом кто-то додумался сбивать мешающие выступы, далее тенденция получила развитие. Первые опыты до нас не дошли, потому как от них остались лишь груды глыб, мимо которых можно пройти, не обратив внимания. Ну и туристам они точно неинтересны.

Запомнил я и умный термин: полигональная кладка — так называлась эта технология «каменной мозаики».

Стены, которые меня сейчас окружали, были возведены по такому же принципу. Будто изувеченные пчелиные соты. Правда, соты, по-моему, всегда строго шестиугольные, а здесь в числе углов никто себя не ограничивал. Раствора между блоками не видно, что тоже знакомо. В тех сооружениях, которые я уже видел, он если и был, то его давно вымыло водой и выдуло ветрами, разве что в глубине стен сохранился. Да и особой нужды в нем нет, такая кладка, по-

моему, удерживает сама себя всеми этими сцепленными углами, выступами и пазами.

Смушал только потолок. Мне всякое доводилось видеть, но чтобы и его возводили из подогнанных друг к дружке угловатых глыб — впервые.

Стены, пол, потолок — все это представляло единую конструкцию, где между соседними блоками не везде получится просунуть лезвие ножа. Ну разве что совсем уж тоненькое, от перочинного, да и такое в паре мест будет бессильно. Ну разве что миллиметров на пять войдет, а дальше, считай, монолит.

При всем этом многоугольном многообразии единственный дверной проем был привычной формы. Прикрывали его куском какой-то дешевой ткани, и по ее едва заметному колыханию можно было предугадать, что сейчас кто-то зайдет. Окон в помещении не было, но при этом я мог легко рассматривать самые мелкие детали. Почему? А это уже отдельный вопрос, и коротко на него не ответишь.

Грубый лежак из кривых жердей, убогое подобие табурета из того же материала, жестяной короб с раскаленными углями, которые время от времени меняли, и сияющий шарик размером с теннисный мяч, медленно описывающий круги под потолком, — вот и вся здешняя обстановка.

Должен добавить, что шарик не был к чему-либо привязан и провода к нему также не вели. Иногда сияние его начинает слабеть, и тогда Кайра приходит не одна, а с Местисом. Вообще-то, имя у него куда длиннее, но никто не станет в повседневной жизни произносить десятки слов там, где достаточно одного. Местис надолго не задерживается. Подманивает здешнюю «лампочку», будто ручную птичку, держит ее недолго в руках, после этого исчезает до нового пополнения заряда.

Кайра и Местис — единственные люди, которых я вижу с тех пор, как летающее создание принесло меня в эти горы. Дорога по воздуху далась мне нелегко. У меня и до этого со здоровьем были проблемы, а в пути они очень серьезно усугубились. Несколько раз я отключался, а все остальное время провел в позе зародыша, пытаясь согреться, но это слабо удавалось: очень сильный поток встречного воздуха, к тому же наверху и без этого нежарко.

Иногда я бросал взгляды вперед. Поначалу при этом видел серую громадину южного берега, позже начал различать подробности. Отвесные скалы, где ни бухт, ни приличных пляжей, ни обширных зарослей, что даже на большом расстоянии выдают себя зелеными пятнами. Самое подножие гор, которые далее вздымаются на такие высоты, что, даже сидя на спине Талашая, мне приходилось задира́ть голову, чтобы увидеть заснеженные пики.

Муунт знал дорогу, он уверенно направился в узкое ущелье между шпилями двух далеко не самых грандиозных вершин. Здесь мне стало настолько хреново, что отключился надолго, а когда пришел в себя, больше не было моря позади. Куда ни взглянешь, лишь снег и камень. Ни одного зеленого пятнышка, ни следа человеческого, ни птицы в небе — ничего. Мертвое царство гор.

Должен сказать отдельное спасибо Талашаю за то, что мне ни разу не пришлось ему подсказывать дорогу. Ведь я даже не увидел тот Трехголовый пик, о котором перед смертью рассказывал бедолага Дат. Все горы слились в единую каменно-ледяную картинку без мелких деталей, холод достал до того, что я перестал чувствовать ноги, а раскрывать глаза с каждым разом было все труднее и труднее. В какой-то момент муунт просто спустился не знаю куда и

поспешно захлопал крыльями, поднимая облака снега. В этой пелене показались какие-то люди, с ног до головы закутанные в теплое тряпье. Меня стащили на землю и принесли туда, где было тепло. От радости начало выворачивать наизнанку, и в разгар этого неприглядного процесса я отключился окончательно.

С тех пор я каждый день вижу Кайру, иногда Местиса. И все, других посетителей к больному не допускают. Ну, или они брезгуют сюда заходить, не удивлюсь и такому.

Кайра Ло... Кайра Ло из Пешваров. Та самая знаменитая целительница, о которой рассказывал Дат. Благодаря его словам я, столкнувшись с неразрешимой проблемой, решил на отчаянную авантюру. За жизнь мою тогда никто бы и монетки не дал, смертный приговор был озвучен, оставалось дожидаться его исполнения. Но я решил ухватиться за последнюю соломинку и, похоже, не прогадал.

Занавеска едва заметно заколыхалась. Где-то за ней чуть слышно хлопнуло, скорее всего, закрывалась невидимая с моего места дверь, впуская посетителей. Кто это может быть? Я бы все поставил на то, что Кайра. По двум причинам: она — самый частый гость, хотя правильнее ее называть хозяйкой; и мне приятно ее видеть.

Очень красивая особа. С миниатюрной фигуркой японской девушки, длиннющие платиновые волосы, вздернутый носик, ямочки на щечках и изумительно фиолетовые глазищи на кукольном личике. В сравнении с тем засильем мясистых теток, что практиковалось на северных землях, настоящее чудо, от которого невозможно отвести взгляд. Да что там, даже на моей родине такая заткнет за пояс любое полчище натуральных, или не очень, топ-моделей.

Сколько ей лет? Сперва мне показалось, что не больше пятнадцати. Затем вынужден был прибавить три-четыре. Теперь иногда готов дать все тридцать, хотя в глубине души понимаю, что это уж точно перебор. Однако точную цифру не могу назвать до сих пор.

Но ее потрясающая красота — вторичный фактор. Благодаря тому что делает Кайра, я перестал разваливаться. И даже более того — начал ощущать, что разрушенное и мертвое пусть медленно, но начинает оживать.

Я спасен — я восстанавливаюсь!

Занавеска дернулась, будто ударенная кнутом, отлетела в сторону, зависла, будто опасаясь возвращаться. Еще один фокус Кайры: она это делает даже пальцем не прикасаясь. Просто легкая преграда спешно убирается с ее пути. Пытается оказать на меня впечатление? Ха-ха, вот это уж точно лишнее, и без того впечатлен немислимо. Скорее, просто брезгует прикасаться к не очень чистому тряпью. Насчет грязи у нее целый пунктик, заметил это давно, когда еще мало что соображал.

Тем удивительнее, что возиться с тяжелообольным брезгливость не мешает. Очевидно, к людям она не относится.

Первым делом Кайра подошла к жаровне, подвела к ней ладошку, забавно скривилась, звонко произнесла:

— Скажу Местису, чтобы почаще менял.

Я покачал головой:

— Не надо. Я сам попросил, чтобы он делал это пореже.

— Тебе жарко?

— Нет. Но я чувствую, что прохлада не будет лишней.

— Тогда я не буду ничего говорить Местису. Твое тело лучше знает, что ему необходимо.

Эх, вот бы все врачи были такими замечательными и покладистыми. Тогда бы запрет на курение и алкоголь, под который подпадает абсолютное большинство больных, остался бы в прошлом.

— Я видел бабочек.

— Во сне?

— Кайра, не знаю, что там на улице, но сильно подозреваю, что бабочек здесь можно увидеть только во сне.

— Я обязана уточнять, ведь твой разум в смятении.

— А по мне, он в порядке.

— После того что ты пережил, разум никогда не станет прежним. Мы все время меняемся, и опасная болезнь это ускоряет. Бабочки были разноцветными?

— Нет. Они были фиолетовыми. Как твои глаза.

— Леон, тебе надо меньше думать о моих глазах. Жди сон с цветными бабочками.

— Фиолетовый — это уже не черно-белый. Настоящий цветной сон. Я думаю, что мне гораздо лучше, ты же сама говорила, что это хороший признак.

— Жди бабочек желтых, зеленых, синих, всяких. Вот это и будет хорошим признаком. Ты очень и очень болен. Таких, как ты, я еще никогда не видела.

— Ну да, я человек уникальный, это нельзя не признать.

— Ничего не могу сказать по поводу уникальности, но самовлюбленности тебе не занимать.

— Невероятно трудно не любить себя, если являешься самым совершенством.

— Леон, ты такой болтун. Закрой глаза и дыши через нос. И выпрямись.

Я охотно подчинился, ведь сейчас последует одна из самых приятных процедур. Теплые ладони Кайры коснутся щек, от них начнет расходиться приятное тепло.

Это тепло непростое — от него быстро исчезает головная боль, что подолгу терзает виски вот уже который день. После такой простейшей процедуры я чувствую, будто скинул лет пять нездоровой жизни. Хочется встать и куда-нибудь помчаться вприпрыжку, вот только целительница это не одобрит, и приходится себя сдерживать.

Ну вот, виски успокоились. Блаженство.

— Леон, мне не нравится головная боль.

Я ничего не рассказывал ей про голову. Да я вообще никогда ничего не говорю о симптомах, только о снах. Остальное она сама все знает. Надеюсь, что мысли читать не может. Ну, нет, точно не может, иначе бы ее в краску вгоняло от трех четвертей того, о чем я думаю, на нее глядя.

— Мне тоже не нравится. Но не страшно, терпеть можно.

— Я не могу ничего с ней сделать.

— То есть мне теперь всю жизнь придется провести с дятлом в голове?!

— Нет. Я сказала, что я ничего не могу сделать. Но есть другие.

— Ради одной мигрени искать кого-то вместо тебя?

— Леон, не думаю, что у тебя получится найти такого целителя. И дело не в нашем искусстве, а в твоём случае. Ты стал другим, и сейчас тебе чего-то не хватает. Ты ощущаешь потерю, твоё тело на это реагирует, отсюда боль. И боль не самое страшное, что тебе угрожает.

— Извини, но я ничего не понял.

— Можешь открыть глаза.

Кайра обернулась, придвинула жалкую пародию на табурет, присела, задумчиво уставилась куда-то в стену. Или даже сквозь нее — охотно поверю, что эта невозможная девушка и не на такое способна. Затем, расстегнув грубого покроя меховую безрукавку, достала хорошо знакомый предмет. Тот, с которого, собственно, и начались мои здешние приключения. Драгоценное изделие старинной работы. В свое время я сравнил его с упитанным волчком размером с куриное яйцо. Главный материал — золотая проволока разного диаметра, переплетенная вокруг укрытого в центре камня. Он зеленоватый, ухитряется пускать яркие блески от самого слабого источника света, но сам непрозрачный, дорогим не выглядит. Если такой увидишь в россыпи морской гальки, вряд ли заинтересуешься. Но я хоть и не опознал его, но не сомневаюсь, что стоит очень и очень дорого, иначе бы его не использовали вместе с таким недешевым материалом, как благородный металл.

— Откуда у тебя это?

— Э... Это долгая и запутанная история.

— Хорошо, спрошу иначе: ты знаешь, что это такое?

— Старинная безделушка. Украшение.

— То есть ты считаешь, что это просто ювелирное изделие?

— Да.

— Этот предмет с тобой давно?

— Где-то с месяц уже таскаю.

— Все это время он был при тебе?

— В этой штучке много золота, а это ценный металл. Все это время я провел в местах, где дорогими вещами не разбрасываются, их лучше держать по-

ближе к себе. Что-то не так? — уточнил я, видя, как Кайра мрачнеет все больше и больше.

— Да. Не так. Это опасная вещь. Очень опасная.

— Я и правда думал, что это просто украшение. Что с ним не так?

— Это не украшение. Это непонятно что.

— То есть ты не знаешь, что это такое, но при этом заявляешь, что оно опасное.

— Не совсем так, кое-что я знаю. Внутри камень, его можно разглядеть. Там, на своем севере, вы такие можете не знать, но у нас их все еще находят. Но этот нашли не сейчас. Давно. Очень давно. Так давно, что никто даже не скажет, сколько веков он скрывается в своей золотой клетке. Что ты сейчас видишь? — Кайра протянула украшение, удерживая его самыми кончиками изящных пальчиков.

— Ну... Это похоже на два конуса, соединенных основаниями. Только конусы не ровные, а резко заостряющиеся к вершине.

— Нет, Леон, неправильно. Это никакие не конусы. Это наш мир.

— Модель мира?

— Модель старого мира, сейчас кое-что изменилось. Вот здесь, посредине, виден хребет, разделяющий земли юга и севера, а здесь, на вершинах, великие горы, где располагаются наши полюса. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: вещь очень древняя. Но ты не поймешь, северяне не знают юг. Смотри, здесь великие вершины одинаковы. Так было раньше, давно, они и правда не отличались друг от дружки. Исполинские полярные горы уходили на такую высоту, что даже самые главные вершины Срединного хребта казались карликами в сравнении с ними. Видящие говорят, что на крайнем севере и сейчас так. Но на юге совсем другое. Беда, которая чуть не убила нашу часть мира и разде-

лила его окончательно, разрушила гору. Теперь там нет единой вершины, там лишь хаос обожженного камня, ломаные хребты и едкий пепел, что вырывается из бездонных провалов. Я там никогда не была, об этом тебе лучше поговорить с Этико, он оттуда родом. У нас все знают, что случилось с великой южной горой. Теперь ты понял, почему эта вещь такая старая?

— Ты считаешь, что она создана во времена до катастрофы, что разрушила полярную гору. Хотя это спорно, ведь ювелир мог сделать ее в память о былом.

— Вряд ли, — Кайра покачала головой. — Во времена, что были после гибели юга, не было мастеров, которые занимались таким. Дикость захватила мир, ювелирное искусство умерло. Камнями начали интересоваться уже потом, но эта вещь точно древнее, по ней видно.

— Ну хорошо, пусть так. Но ты ведь хотела рассказать не об этом.

— Без этого мой рассказ понять непросто. Золото ценится и у нас, но за камень, что заключен внутри, можно получить его столько, что понадобится несколько повозок для его перевозки.

— Серьезно?! С виду не скажешь, что он такой дорогой.

— Но это так. Он ценится не из-за вида, а из-за скрытых в нем возможностей. Такой камень может сделать сильного сильнее или даже подарить силу бессильному. Я имею в виду не ту силу, что скрыта в наших мышцах, а это, — Кайра указала в сторону светящегося шарика.

— Да уж, за такой фокус можно много отвалить.

— Не шути с такими вещами.

— Прости. Значит, этот камень может из простого человека сделать мага?

— Нет, о таком только шепчут, но никто ни разу не видел, чтобы подобное случалось. Это просто леген-